1917

ОИК

Плеханов, Г.В.

Интернационализм и защита отечества.

П., 1917

Россійская соціалъ-демократическая рабочая партія.

ОИК

Г. В. Плехановъ.

Интернаціонализмъ
и
ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА.

Цѣна 20 к.

Изданіе Всеросс. соц.-дем. организацін „ЕДИНСТВО“
ПЕТРОГРАДЪ.
Владимірскій просп., 19.
1917 г.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач__________

Вологда, тип. „Сев. Печатник". Зак. 1

…градъ, Саикинъ пер. 15.

№3
стр. 5, 8

1-й экз. с. фонда

Интернаціонализмъ и защита отечества.

I.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П. 192363

Долгъ соціалиста).*

Къ годовщинѣ смерти Ж. Жорэса.

Вы всѣ знаете, что Жорэсъ былъ неутомимымъ поборникомъ мира.

Вы не удивитесь поэтому, если въ сегодняшній день, который мы всѣ посвящаемъ его памяти, я въ особенности остановлюсь на нѣкоторыхъ изъ его взглядовъ по вопросу о мирѣ. Враги Жорэса утверждаютъ, что своими краснорѣчивыми рѣчами противъ милитаризма онъ много повредилъ Франціи, ослабивъ ея силу сопротивленія противъ внѣшняго врага. Эту тему еще очень недавно вспомнила большая швейцарская газета. Обвиненіе тяжелое. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Жорэсъ своей горячей защитой идеи мира уменьшилъ силу сопротивленія своей страны, онъ этимъ самымъ увеличилъ бы наступательную силу Германіи. Такимъ образомъ, онъ сыгралъ бы въ руку нѣмецкому милитаризму, уже въ теченіе сорока лѣтъ представляющему величайшую опасность для европейскаго мира.

Можно было бы сказать, что, поступая такъ, онъ не желалъ подобныхъ послѣдствій и не зналъ, что они получатся. Но адъ вымощенъ добрыми намѣреніями. И какъ бы добры ни были намѣренія Жорэса, онъ заслуживалъ бы величайшихъ упрековъ, если бы его противники были правы.

Разсмотримъ же эти обвиненія и посмотримъ, насколько они основательны. Это необходимо не только потому, что память Жорэса намъ дорога, но также и потому, что, очищая его отъ этого обвиненія, мы одновременно оправдываемъ позицію международнаго соціализма, который по самой сущности своей не можетъ не быть сторонникомъ мира между народами и занималъ бы самую непослѣдовательную позицію, если бы его пропаганда шла на пользу милитаризма.

О чемъ же идетъ рѣчь?

Извѣстно, что Жорэсъ выработалъ планъ военной организаціи Франціи, который онъ изложилъ въ книгѣ «Новая Армія». Планъ этотъ могъ быть хорошъ, онъ могъ быть плохъ. Можно спорить о немъ съ точки зрѣнія военной техники. Но нѣтъ сомнѣнія, что планъ Жорэса остался въ видѣ проекта и не могъ повліять ни хорошо, ни дурно на состояніе французской арміи. Если обстоятельства докажутъ намъ, что эта армія—не достаточное орудіе защиты французскаго народа, мы будемъ оплакивать этотъ фактъ, но не сдѣлаемъ за него отвѣтственнымъ ни международный соціализмъ вообще, ни Жорэса въ частности.

Всякій знаетъ, что незадолго до войны Жорэсъ энергично выступалъ въ Палатѣ противъ законопроекта о трехлѣтней службѣ. Нѣкоторые спеціалисты по военному дѣлу—замѣтьте, я говорю—нѣкоторые, а не всѣ—утверждали и утверждаютъ еще, что трехлѣтняя служба была необходима. Допустимъ на одно мгновеніе, что они правы, хотя, повторяю, мнѣнія по этому вопросу не единогласны даже среди спеціалистовъ по военному дѣлу.

---

*) Настоящая глава представляетъ переводъ французской рѣчи автора, которая должна была быть произнесена въ годовщину смерти Жорэса, но, по болѣзни, выступленіе автора не могло состояться, и рѣчь появилась только во фран-цузской печати.

Вѣдь, несмотря на энергичную оппозицію Жорэса, поддержаннаго всѣми другими депутатами-соціалистами, законопроектъ Палатою былъ принятъ.

Такимъ образомъ, мнѣніе Жорэса въ этомъ спеціальномъ случаѣ не имѣло практическаго вліянія. И если не все благополучно во французской арміи, то не слѣдуетъ, разыскивая виновниковъ, обвинять тѣхъ, которые тутъ не при чемъ.

Мнѣ могутъ возразить, что Жорэсъ своей пропагандой дурно повліялъ не на практическую организацію военнаго дѣла во Франціи, но на духъ французскаго народа. Неутомимо и краснорѣчиво выступая противъ милитаризма, онъ могъ склонить своихъ соотечественниковъ въ сторону пацифизма и ослабить этимъ оборонительную силу Франціи.

Но и это не вѣрно.

Правда, французскій народъ показалъ, что онъ воодушевленъ гораздо болѣе миролюбивыми чувствами, чѣмъ народъ нѣмецкій.

Но безспорная склонность къ миру французскаго народа не помѣшала ему встать, какъ одинъ человѣкъ, на защиту своей страны. Никто этого не отрицаетъ и не можетъ отрицать.

Такимъ образомъ, если соціалистическая пропаганда способствовала во французскомъ народѣ развитію миролюбивыхъ чувствъ,—чѣмъ я горжусь, — то она нисколько не уменьшила его оборонительной силы.

Но есть любовь къ миру и любовь къ миру. Есть люди, которые во имя мира осуждаютъ всякое активное сопротивленіе злу. Нашъ геніальный романистъ Левъ Толстой, — который, сказать въ скобкахъ, былъ очень плохимъ публицистомъ—утверждаетъ, что на зло никогда не слѣдуетъ отвѣчать насиліемъ.

Если бы даже людоѣдъ хотѣлъ съѣсть собственнаго ребенка Толстого, послѣдній не долженъ былъ бы прибѣгать къ насилію. Само собой подразумѣвается, что людоѣды могутъ только одобрять подобное миролюбіе.

Съ такими идеями люди были бы совершенно неспособны сопротивляться насилію. Но вѣдь это же не имѣетъ ничего общаго съ соціалистическимъ миролюбіемъ. Жорэсъ былъ убѣжденнымъ поборникомъ мира. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что, со времени существованія міра, онъ былъ наиболѣе горячимъ пропагандистомъ миролюбивыхъ отношеній между народами.

Но Жорэсъ никогда не отрицалъ необходимости активнаго сопротивленія нападенію извнѣ. Наоборотъ, онъ всегда краснорѣчиво отстаивалъ его. Книга «Новая Армія» вызвала въ нѣмецкой соціалъ-демократической прессѣ довольно существенныя возраженія. Но ни одно изъ этихъ возраженій не коснулось идеи о необходимости обороны для народа.

Это, впрочемъ, и не могло бы имѣть мѣста, такъ какъ эта идея составляетъ одинъ изъ основныхъ пунктовъ современной соціалистической политики.

Послѣдователи Толстого говорятъ: «Всюду и всегда надо уклоняться отъ военной службы».

Современные соціалисты разсматриваютъ этотъ вопросъ съ совершенно иной точки зрѣнія.

Они не отказываются отъ отбыванія воинской повинности, но требуютъ такой организаціи, которая, увеличивая ея силу сопротивленія, въ то же время препятствовала бы пользоваться ею для завоевательной войны.

Для этой цѣли и возникло требованіе превращенія постоянной арміи въ національную милицію.

Это—требованіе всѣхъ соціалистическихъ программъ.

Въ настоящее время приверженцы Жорэса всѣ мужественно выполняютъ свой долгъ. Самые упорные противники ихъ признаютъ это. Но какъ же они это объясняютъ?

Намъ говорятъ, что логика французскихъ соціалистовъ разбилась о логику событій.

Намъ говорятъ, что, если французскіе соціалисты исполняютъ теперь свой долгъ по отношенію къ родинѣ, то это происходитъ оттого, что французскіе соціалисты поняли призрачность своего долга по отношенію къ международному соціализму. Иными словами, французскіе соціалисты показали себя хорошими гражданами только потому, что перестали быть хорошими международными соціалистами. Такъ говорятъ идеологи буржуазіи, и само собой, говоря такъ, они торжествуютъ.

Но это не вѣрно, это совершенно не вѣрно.

Вѣрно совсѣмъ другое.

Наши французскіе братья показали себя хорошими гражданами своей страны, потому что были хорошими соціалистами.

Они ничего не забыли, ничему не измѣнили, ничего не отвергли.

Защищая Францію, они выполняютъ свой долгъ, тотъ самый долгъ, который въ мирное время они же ясно указали сознательному французскому пролетаріату.

Гдѣ и когда?

Въ 1906-мъ году въ Лиможѣ.

Между постановленіями, принятыми французской соціалистической партіей на Лиможскомъ конгрессѣ, есть одно, непосредственно касающееся вопроса о войнѣ и мирѣ. Это постановленіе, предложенное федераціей Сены, ясно опредѣляетъ обязанности французскихъ соціалистовъ передъ своей родиной. Конгресъ французской партіи напоминаетъ рабочему классу всѣхъ странъ, что ни одно правительство не можетъ угрожать независимости другого народа, не совершая преступленія противъ этого народа, противъ его рабочаго класса и противъ пролетаріата всѣхъ странъ.

Дальше конгрессъ говоритъ, что народъ и рабочій классъ страны, независимость которой находится въ опасности, настоятельно должны защищать эту независимость и вправѣ разсчитывать на помощь рабочаго класса всѣхъ странъ.

Согласитесь, что французская соціалистическая партія, принявшая на одномъ изъ своихъ конгрессовъ это постановленіе, не могла занять иной позиціи, кромѣ той, которую она приняла съ начала войны. Французская соціалистическая партія не можетъ не видѣть, что нѣмецкій имперіализмъ угрожаетъ независимости Франціи. Предлагаютъ иногда вопросъ: какова была бы позиція Жорэса въ современномъ кризисѣ? Лиможское постановленіе убѣдительно на это отвѣчаетъ.

Жорэсъ почувствовалъ бы обязательность для себя и для всего французскаго соціализма защищать Францію противъ германскаго насилія.

И онъ сдѣлалъ бы это съ тѣмъ большею энергіей, что, по его убѣжденію, которое онъ высказалъ тому же Лиможскому конгрессу, пролетаріатъ въ настоящее время еще больше, чѣмъ буржуазія, пострадалъ бы отъ непріятельскаго нашествія.

«Для пролетаріата,—говорилъ Жорэсъ,—это означало бы прибавку къ тяжести капиталистической тираніи, новой тяжести—тираніи иностранной.

Въ томъ періодѣ исторіи, въ которомъ мы находимся, пролетаріатъ въ особенности теряетъ отъ завоеванія».

Но если пролетаріатъ при завоеваніи теряетъ больше, чѣмъ буржуазія, онъ долженъ съ большей еще энергіей, чѣмъ она, бороться противъ иностраннаго насилія.

Жорэсъ не преминулъ бы сдѣлать этотъ логическій выводъ. Этотъ выводъ продиктовалъ французскимъ соціалистамъ ихъ обязанности вплоть до участія въ коалиціонномъ министерствѣ. Постановленіе было принято въ Лиможѣ 153 представителями изъ 285, т. е. немногимъ больше, чѣмъ половиною. Не думайте, чтобы товарищи, голосовавшіе противъ постановленія, отличались отъ остальныхъ товарищей въ вопросѣ о позиціи въ случаѣ иноземнаго нашествія. Нѣтъ, они голосовали противъ только потому, что постановленіе не удовлетворяло ихъ въ другихъ пунктахъ.

Въ томъ, что касалось долга соціалистовъ оборонять свою страну въ случаѣ нашествія, огромное большинство приняло постановленіе благопріятно.

Противъ него, да и то съ ограниченіями, были одни только тѣ товарищи, которые раздѣляли точку зрѣнія Гюстава Эрве. Но цитированныя мною строки были одобрены наиболѣе вліятельными представителями различныхъ оттѣнковъ французскаго соціализма: Валльяномъ, Жорэсомъ и Гэдомъ.

Неудивительно поэтому, что теперешняя тактика французскихъ соціалистовъ получила одобреніе Валльяна, Гэда и жорэссистовъ.

Тѣ, кто утверждаютъ, что теперешняя позиція французскихъ соціалистовъ противорѣчитъ ихъ прежнимъ взглядамъ, проявляютъ лишь слабость своего мышленія. Они думаютъ, что, если прежде соціалисты всѣхъ странъ высказывались въ пользу мира, то они не имѣютъ права теперь участвовать въ войнѣ. Но, вѣдь, это смѣшеніе понятій, по поводу котораго я напомню вамъ діалогъ Лукіана между сапожникомъ Микиломъ и его пѣтухомъ.

Однажды на разсвѣтѣ пѣтухъ сильно изумилъ своего хозяина, заговоривъ на человѣческомъ языкѣ.

На вопросъ Микила о томъ, какъ это оказалось возможнымъ, его неожиданный собесѣдникъ отвѣтилъ, что въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ прежде, чѣмъ стать пѣтухомъ, онъ былъ Пиѳагоромъ. Но тутъ Микилъ совершенно отказался повѣрить тому, что утверждала странная птица: вѣдь, пѣтухъ,—замѣтилъ онъ,—охотно кушаетъ бобы, тогда какъ Пиѳагоръ запрещалъ это. Пѣтухъ не смутился. Онъ отвѣтилъ, что не можетъ въ своемъ новомъ состояніи придерживаться старыхъ правилъ гигіены, и что вредное въ одномъ случаѣ можетъ быть полезно въ другомъ.

Думаю, что пѣтухъ этотъ разсуждалъ правильно. Не даромъ онъ въ свое время былъ основателемъ великой философской школы. Все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста. Съ перемѣной обстоятельствъ мѣняется и наша тактика. Если французскіе соціалисты стояли до войны за сохраненіе мира, это не должно значить, чтобы они не могли теперь, разъ миръ нарушенъ и побѣда Германіи угрожаетъ непоправимымъ зломъ жизненнымъ интересамъ французскаго пролетаріата, принять участія въ войнѣ.

Наоборотъ: теперь, когда Германія душитъ Бельгію, покоряетъ Польшу и держитъ въ своихъ когтяхъ значительную часть Франціи, наши французскіе товарищи выказали бы себя пособниками Вильгельма II, если бы отказались выступить противъ его арміи съ оружіемъ въ рукахъ.

Постановленіе о войнѣ и мирѣ, принятое на французскомъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Лиможѣ, заслуживаетъ вниманія не только потому, что напоминаетъ французскому пролетаріату его долгъ—бороться за родину противъ иноземнаго нашествія. Оно замѣчательно еще тѣмъ, что указываетъ ему на его право разсчитывать на поддержку пролетаріата другихъ странъ.

По прямому смыслу этого постановленія, весь международный пролетаріатъ долженъ поддерживать пролетаріатъ подвергшейся нападенію страны. Это дѣйствительно, великая идея, проливающая яркій свѣтъ на тотъ путь, по которому долженъ идти пролетаріатъ цивилизованнаго міра въ своей международной политикѣ. Крайне прискорбно, что соціалистическіе международные конгрессы, на которыхъ не разъ поднимался вопросъ о нашей позиціи по отношенію къ воинѣ, не усвоили себѣ этой идеи и не развили ее, какъ она того заслуживала. Когда сознательный пролетаріатъ всего міра положитъ эту идею въ основу своей международной политики, тогда и только тогда мы приблизимся къ осуществленію благородной мечты о прочномъ мирѣ между народами.

Говорятъ иногда, что осуществленіе этого благороднаго стремленія требуетъ международной федераціи, на подобіе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, — на первое, по крайней мѣрѣ, время всей Европы.

Возможно. Однако, въ виду того, что Соединенные Штаты существуютъ уже въ Сѣверной Америкѣ, представимъ себѣ, что произойдетъ, если одинъ изъ этихъ Штатовъ нападетъ на другой. Не трудно отвѣтить на этотъ вопросъ: всѣ прочіе Штаты выступятъ противъ нарушителя мира и вернутъ его, такимъ образомъ, къ болѣе мирнымъ чувствамъ. При такихъ условіяхъ опасность нарушенія мира становится ничтожной. Чтобы эта опасность была ничтожна, необходимъ соотвѣтствующій государственный строй. Но именно такой строй, необходимый для сведенія къ *минимуму* шансовъ вооруженнаго конфликта между народами, и будетъ подготовленъ сознательнымъ пролетаріатомъ цивилизованныхъ странъ, когда онъ въ своей международной политикѣ послѣдуетъ благородной идеѣ, изложенной въ Лиможскомъ постановленіи.

Тѣмъ или инымъ способомъ, рабочіе всѣхъ странъ, защищая рабочихъ подвергшейся нападенію страны, приготовятъ почву, на которой будетъ воздвигнуто зданіе Соединенныхъ Штатовъ Европы.

На Жорэса смотрятъ—да онъ и самъ такъ смотрѣлъ на себя, — какъ на идеалиста. Въ его философскую концепцію дѣйствительно входятъ многіе идеалистическіе элементы, но не надо быть идеалистомъ, чтобы отстаивать идею справедливости въ отношеніяхъ между народами. Гораздо раньше Жорэса отстаивалъ ее Карлъ Марксъ, этотъ послѣдовательный матеріалистъ, давшій намъ матеріалистическое объясненіе исторіи.

Первый манифестъ коммунистической партіи заканчивается напоминаніемъ о томъ, что отнынѣ рабочіе всѣхъ странъ должны въ своей международной политикѣ руководствоваться простыми законами нравственности и права.

Это—та же идея справедливости, которая вошла въ Лиможскія постановленія и которую Жоресъ такъ краснорѣчиво защищалъ въ своихъ многочисленныхъ выступленіяхъ.

Въ его рѣчи «Соціализмъ и партія», произнесенной въ Лиможѣ, болѣе, чѣмъ за годъ до конгресса, принявшаго приведенное выше постановленіе, онъ ясно изложилъ, какимъ образомъ пролетаріатъ долженъ примѣнить на практикѣ въ международныхъ отношеніяхъ идею справедливости. Онъ это сдѣлалъ, основываясь на примѣрѣ недавняго тогда отдѣленія Норвегіи отъ Швеціи.

Вы позволите мнѣ привести важный отрывокъ изъ этой рѣчи:

«Правящіе классы Швеціи одно время желали прибѣгнуть къ войнѣ, чтобы заставить Норвегію, противъ ея воли, возвратиться подъ иго союза со Швеціей. Если бы шведская буржуазія, вопреки протестамъ шведскихъ и норвежскихъ соціалистовъ, объявила эту войну, норвежскіе соціалисты, отстаивая объявившій независимость Норвегіи референдумъ, очевидно, встали бы на ея защиту даже посредствомъ силы противъ нападенія шведской олигархіи.

Но въ то время, какъ норвежскіе соціалисты съ полнымъ правомъ защищали бы свою національность, обязанностью шведскихъ соціалистовъ было бы воспротивиться, даже путемъ всеобщей забастовки, жестокой попыткѣ шведской буржуазіи покорить и присоединить къ себѣ насильно другую націю.

И именно позиція норвежскихъ соціалистовъ, принятая по соглашенію съ соціалистами шведскими, ихъ декларація въ пользу защиты національной независимости, и декларація шведскихъ соціалистовъ о намѣреніи ихъ вызвать всеобщую забастовку, всѣ эти комбинированныя дѣйствія соціалистовъ норвежскихъ и шведскихъ, различныя по формѣ, но стремившіяся къ одной цѣли, заставили правящіе классы обѣихъ странъ заключить договоръ о постоянномъ третейскомъ судѣ между обѣими націями, вмѣсто того, чтобы объявить другъ другу войну».

Приведенный Жорэсомъ примѣръ прекрасенъ. Онъ показываетъ, что

въ Лиможскомъ постановленіи, требующемъ отъ международнаго пролетаріата помощи подвергшейся нападенію націи, нѣтъ ничего несбыточнаго.

Очевидно, тутъ, какъ и всюду, все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста. Нѣмецкій пролетаріатъ ведетъ себя сейчасъ не такъ, какъ шведскій пролетаріатъ въ 1905 году. Наши нѣмецкіе братья, вмѣсто того, чтобы рѣшительно выступить противъ политики ихъ правительства, которую они еще наканунѣ войны называли опасной, предпочли поддерживать эту политику. Поступивъ такъ, они измѣнили международной солидарности пролетаріата. Ихъ измѣна—глубоко прискорбное событіе. Но политическое воспитаніе пролетаріата—продолжительный процессъ, незаконченный еще даже въ передовыхъ странахъ. Пока этотъ процессъ развивается, болѣе или менѣе грубыя ошибки неизбѣжны.

Люди остаются людьми. Они не перестаютъ поддаваться извѣстнымъ слабостямъ, даже если становятся подъ знамя освободительнаго движенія. Это очень прискорбно. Но надо брать міръ такъ, какъ онъ есть. И, кромѣ того, мы должны знать и помнить, что объективная логика вещей одерживаетъ верхъ надъ субъективной слабостью людей.

Эта несокрушимая логика, въ концѣ концовъ, докажетъ нѣмецкому пролетаріату, что, поддерживая завоевательную политику нѣмецкихъ правящихъ классовъ, онъ поступалъ противъ своихъ собственныхъ классовыхъ интересовъ.

Эта логика покажетъ ему, насколько правъ былъ нашъ учитель Карлъ Марксъ, объявившій, что классовые интересы современнаго международнаго пролетаріата требуютъ сплоченныхъ усилій пролетаріевъ всѣхъ странъ.

Внутренняя политика, которой продолжаютъ придерживаться нѣмецкіе правящіе классы по отношенію къ пролетаріямъ ихъ собственной страны, начинаетъ уже вести къ отрезвленію этихъ послѣднихъ. Конечно, они сразу не опомнятся. Для этого нужна будетъ опять-таки медленная эволюція, но она произойдетъ несомнѣнно тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе рѣшительно мы, всѣ соціалисты другихъ странъ, проникнемся духомъ Лиможскаго постановленія и будемъ дѣйствовать, помня, что «рабочій классъ всякой страны, которой угрожаетъ нападеніе, неуклонно обязанъ защищать эту страну и, защищая ее, вправѣ разсчитывать на поддержку всего международнаго пролетаріата».

II.

Гдѣ же противорѣчія?

Я очень занятъ. И, всетаки, не могу устоять передъ искушеніемъ написать нѣсколько страницъ по поводу замѣтокъ Б. С-ова, напечатанныхъ въ № 5 «Свободнаго Слова» *), такъ много искренности въ этихъ замѣчаніяхъ и такъ серьезны вопросы въ нихъ затронутые.

Авторъ письма очень хвалитъ мою статью «Еще о войнѣ».

Онъ находитъ въ ней много логики, которой онъ даже даетъ лестное названіе стальной. «И, всетаки,—признается онъ,—что-то внутри протестуетъ противъ стальной его (т. е. Г. П.) логики». Это очень интересно.

Противъ чего же именно протестуетъ внутреннее чувство автора?

Онъ считаетъ безспорной ту мою мысль, что интересы всемірнаго пролетаріата очень страдаютъ отъ насилій, совершаемыхъ однимъ народомъ надъ другимъ. «Именно потому,—поясняетъ онъ эту мысль,—соціалисты всѣхъ странъ всегда были противъ имперіалистическихъ войнъ, противъ войнъ захватныхъ». Но онъ спрашиваетъ, гдѣ и когда соціалисты говорили

*) Русскій журналъ, издававшійся въ Нью-Іоркѣ Л. Г. Дейчемъ и б. депутатомъ Бѣлоусовымъ.

о быстромъ и своевременномъ отпорѣ, который нейтральныя страны должны дать странѣ, совершающей такую несправедливость?

Признаюсь, вопросъ этотъ въ такой общей формулировкѣ вызываетъ во мнѣ большое недоумѣніе.

Если соціалисты всѣхъ странъ всегда были противъ захватныхъ войнъ, то яснѣе яснаго, что всегда считали себя обязанными давать отпоръ такимъ войнамъ. «Быть противъ» какого-нибудь явленія именно и значитъ— давать ему отпоръ. Говорю «именно и значитъ», предполагая, что мы имѣемъ въ виду такихъ людей, у которыхъ слово не расходится съ дѣломъ. Конечно, много есть на свѣтѣ и такихъ господъ, которые, будучи противъ какого нибудь явленія, пальцами не ударятъ для того, чтобы дать ему отпоръ. Но это—болтуны, жестоко осмѣянные еще нашими великими просвѣтителями шестидесятыхъ годовъ. Добролюбовъ говорилъ, что разсужденія такихъ людей противъ несимпатичныхъ имъ явленій пишутся въ Обломовкѣ («Намъ пишутъ изъ Обломовки»). Но развѣ изъ Обломовки получались протесты соціалистовъ всѣхъ странъ «противъ имперіалистическихъ войнъ, противъ войнъ захватныхъ»?

Дальше. Если соціалисты всѣхъ странъ всегда должны были стремиться къ тому, чтобы давать отпоръ имперіализму, то опять яснѣе яснаго, что отпоръ ихъ долженъ направиться противъ страны «совершающей такую несправедливость». Было бы слишкомъ странно, если бы они обрушились на страну, подвергшуюся несправедливому нашествію. И въ этомъ случаѣ,— т. е. въ вопросѣ объ обязательности отпора,—у насъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія дѣлать какое-нибудь исключеніе для странъ нейтральныхъ.

Въ декабрѣ 1914 г. т. е. еще до начала нынѣшней войны Италіи съ Австріей одинъ итальянскій соціалистическій депутатъ, защищая политику нейтрализма, сказалъ въ парламентѣ, что если бы его страна находилась въ положеніи Бельгіи, то онъ и его товарищи сочли бы себя обязанными защищать ее съ оружіемъ въ рукахъ; но такъ какъ она въ такомъ положеніи не находится, то они требуютъ сохраненія мира. Допустимъ, что это было убѣдительно съ точки зрѣнія итальянскаго народа, хотя, на самомъ дѣлѣ, доводы нашего итальянскаго товарища не выдерживали критики даже и съ этой точки зрѣнія. Но, несомнѣнно, въ этомъ разсужденіи нѣтъ хотя бы самаго отдаленнаго намека на международную солидарность. Точка зрѣнія этой послѣдней несравненно шире точки зрѣнія національнаго эгоизма. Если соціалисты данной страны помнятъ завѣты международной солидарности, то они въ своей международной политикѣ не станутъ руководствоваться соображеніями о томъ, остается или не остается съ краю ихъ національная хата въ данномъ международномъ столкновеніи. Международная солидарность заставитъ ихъ сочувственно отнестись къ странѣ, подвергшейся несправедливому нападенію, а, стало быть, и постарается дать быстрый и своевременный отпоръ «странѣ, совершающей такую несправедливость». Отпоръ на дѣлѣ, а не только на словахъ. Такъ какъ отпоръ только на словахъ имѣетъ такое же ничтожное значеніе, какъ и все то, что намъ пишутъ изъ Обломовки.

Что такое отпоръ на дѣлѣ, а не только на словахъ? Это—не всегда военный отпоръ. Вполнѣ мыслимы такія обстоятельства, при которыхъ пролетаріатъ данной нейтральной страны, не только можетъ, но долженъ— въ интересахъ народа, страдающаго отъ несправедливаго нападенія, — требовать отъ своего правительства, чтобъ оно сохранило нейтралитетъ. Въ такомъ положеніи находится, напримѣръ, Швеція. Вмѣшавшись въ войну, она непремѣнно окажется на сторонѣ Германіи и, слѣдовательно, еще болѣе увеличитъ опасность грозящую тѣмъ странамъ, на которыя обрушился бронированный кулакъ германскаго имперіализма. Поэтому международная солидарность требуетъ отъ шведскихъ соціалистовъ, чтобы они настаивали на сохраненіи нейтралитета. Однако нейтралитетъ ней-

тралитету рознь. Съ точки зрѣнія международной солидарности шведскіе соціалисты должны сдѣлать все отъ нихъ зависящее для того, чтобы нейтралитетъ, сохраняемый ихъ страною, сталъ нейтралитетомъ благосклоннымъ по отношенію къ странамъ, подвергшимся нападенію. Понятно почему: кто остается совершенно нейтральнымъ въ борьбѣ между палачемъ и его жертвой, тотъ самъ годится въ кандидаты на должность заплечныхъ дѣлъ мастера.

И напрасно авторъ называетъ мою мысль совершенно новой. Такого комплимента она не заслуживаетъ.

Въ своей рѣчи въ годовщину смерти Жореса я напоминалъ о резолюціи, принятой на съѣздѣ французской соціалистической партіи, состоявшемся осенью 1906 г. въ Лиможѣ. Въ этой резолюціи было сказано, что французскій пролетаріатъ считаетъ себя обязаннымъ защищать свою страну, если она подвергнется нападенію, и имѣетъ право разсчитывать на поддержку со стороны пролетаріата другихъ государствъ. Это какъ разъ та «совершенно новая мысль», которую я теперь защищаю. Лиможская резолюція была своевременно опубликована въ соціалистической прессѣ Франціи, а также и другихъ странъ. И вплоть до нынѣшней войны, т. е. въ продолженіе цѣлыхъ восьми лѣтъ, противъ «совершенно новой мысли» въ ней высказанной, не было сдѣлано ни одного, замѣтьте, рѣшительно ни одного, возраженія. Почему же это такъ? Очевидно, потому, что совершенно новая мысль всѣмъ показалась совершенно старой мыслью, одной изъ тѣхъ истинъ, которыя сами собою разумѣются. Больше того. Эта мысль не только принималась за справедливую всѣми нами, членами второго Интернаціонала, но вызвала одно въ высшей степени замѣчательное историческое дѣйствіе. Когда Норвегія отдѣлилась отъ Швеціи и когда можно было вслѣдствіе этого ожидать войны между двумя названными странами, тогда норвежскіе соціалисты немедленно рѣшились съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою родину, между тѣмъ, какъ соціалисты Швеціи объявили, что поддержатъ ихъ посредствомъ всеобщей стачки. Этотъ фактъ представляетъ собою одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій въ исторіи международнаго соціализма. Если бы авторъ не позабылъ объ этомъ фактѣ и не упустилъ изъ виду лиможской резолюціи, молчаливо одобренной соціалистами всѣхъ странъ, то его ни мало не смутила бы моя мысль о дѣятельномъ отпорѣ имперіалистамъ.

Повторяю, вплоть до начала нынѣшней войны противъ лиможской (въ той части, которая мною указана) резолюціи никѣмъ изъ соціалистовъ не было сдѣлано ни малѣйшаго возраженія. Но когда война началась, въ соціалистической печати нѣкоторыхъ странъ стала высказываться мысль, совершенно несогласная съ лиможской резолюціей. Тогда нѣкоторые стали говорить, что національная самозащита равносильна измѣнѣ международному соціализму. Я уже не разъ говорилъ, что это вполнѣ анархическая мысль, высказанная Домелой Ньевенгайсомъ на брюссельскомъ международномъ съѣздѣ 1891 г. и на цюрихскомъ съѣздѣ 1893 г. Оба конгресса безусловно отвергли эту мысль. Впослѣдствіи она часто, хотя и косвенно, отвергалась другими международными соціалистическими съѣздами, безъ оговорокъ признававшими право всѣхъ народовъ на самооборону. Напомню хотя бы рѣшеніе копенгагенскаго съѣзда 1910 г. Почему же анархическая мысль,—неоднажды отвергнутая, и прямо и косвенно, соціалистическими международными съѣздами, — показалась неоспоримой нѣкоторымъ соціалистамъ нѣкоторыхъ странъ послѣ начала войны?

Главное объясненіе состоитъ здѣсь, по моему, въ томъ, что въ международной соціалистической партіи существовали, какъ существуютъ и во всѣхъ другихъ партіяхъ, такіе элементы, которые не вполнѣ еще усвоили ея основные принципы. Въ мирное время, когда возможно было стройное дѣйствіе Интернаціонала, элементы эти занимали соотвѣтствующее ихъ

отсталости скромное положеніе на заднемъ планѣ и довольствовались имъ. А когда разразилась война, сдѣлавшая невозможнымъ стройное выступленіе Интернаціонала, названные элементы весьма нескромно вылѣзли на передній планъ и стали подъ соціалистическимъ флагомъ развозить анархическую контрабанду. Справедливо сказано, что маленькіе люди кажутся большими, когда большіе покидаютъ сцену.

По этому поводу нѣкоторые, можетъ быть, повторятъ тотъ же вопросъ, придавъ ему новую формулировку. «Зачѣмъ же ушли со сцены большіе люди»?—спросятъ они меня. На это я скажу, что они ушли съ международной сцены именно потому, что остались вѣрными принципамъ международнаго соціализма. Если онъ признавалъ за каждымъ даннымъ народомъ право самообороны, то этимъ самымъ на соціалистовъ каждаго даннаго народа налагалась обязанность дѣятельно участвовать въ такой самообороне. А кто участвуетъ въ ней, тотъ уже не можетъ выступать на одной сценѣ съ тѣми, отъ которыхъ его народъ вынужденъ обороняться. Другими словами, Геду, Валльяну, Вандервельду и русскимъ соціалистамъ, понимавшимъ свою обязанность, уже нельзя было выступать вмѣстѣ съ германскими соціалъ-демократами, поддерживавшими имперіалистическую политику нѣмецкихъ юнкеровъ и нѣмецкой буржуазіи. Это опять яснѣе яснаго.

Авторъ какъ будто забываетъ, что еще наканунѣ войны въ Брюсселѣ состоялось засѣданіе международнаго соціалистическаго бюро, сопровождавшееся митингомъ, на которомъ германская соціалъ-демократія устами своего представителя Гаазе торжественно обѣщала вести войну съ войной. А когда Вильгельмъ II началъ военныя дѣйствія, наши германскіе товарищи предпочли вести войну не съ войной, а съ тѣми народами, противъ которыхъ онъ выступилъ. Они голосовали военные кредиты. Вплоть до начала войны они печатно и устно доказывали, что отвѣтственность за нее ляжетъ на Германію, а когда война была объявлена, и когда Бетманъ-Гольвегъ цинично признался въ томъ, что рѣшено нарушить нейтралитетъ Люксембурга и Бельгіи, тогда тотъ же Гаазе трогательно заявилъ, что его партія поддержитъ правительство, такъ какъ каждый народъ имѣетъ неоспоримое право на существованіе. Я спрашиваю, могли ли соціалисты аттакованныхъ странъ предпринимать какія-нибудь совмѣстныя дѣйствія съ такими товарищами?

Теперь мы знаемъ, что г. Гаазе не одобрялъ поведенія своей партіи. Но что же изъ этого? Не одобрялъ, а всетаки говорилъ отъ ея имени. Не одобрялъ, а всетаки голосовалъ за военные кредиты вмѣстѣ съ ней. Говорятъ, что онъ поступилъ такъ въ интересахъ дисциплины. Но что же чему должно быть подчинено? Дисциплина идеѣ или же, наоборотъ, идея дисциплинѣ? Если средство должно быть подчинено цѣли, то не подлежитъ сомнѣнію, что требованія дисциплины должны умолкнуть въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ исполненіе означало бы измѣну идеѣ. Т. Гаазе разсудилъ иначе. Онъ закололъ идею на алтарѣ дисциплины. Это конечно дѣло его совѣсти. Но я еще разъ ставлю вопросъ: возможны ли были какія нибудь совмѣстныя дѣйствія съ людьми, поступившими подобно т. Гаазе?

Очень прошу внимательно отнестись къ этому вопросу. Поведеніе т. Гаазе, который не одобрялъ нашествіе на Бельгію, но въ то же время голосовалъ кредиты, необходимые для этого нашествія, доказывало, что онъ предпочелъ остаться со своей партіей даже тогда, когда она измѣнила требованіямъ международнаго соціализма. Разъ это такъ, то очевидно, что всякія обращенія къ нему во имя этого соціализма утрачивали смыслъ.

Товарищъ Гаазе былъ не одинъ. Подобно ему, нѣкоторые другіе члены германской соціалъ-демократической фракціи не одобряли усвоенной большинствомъ этой фракціи имперіалистической политики. Но и они, не одобряя, подобно ему, убійства Бельгіи, въ то же время подавали Бетману Гольвегу ножъ, который тотъ собирался вонзить въ ея сердце. Но и они, подобно ему, предпочли идти со своей партіей даже тогда, когда она рѣшила при-

нять участіе въ разбойномъ нападеніи на другіе народы. Стало быть, и съ ними уже невозможно было объясняться во имя международнаго соціализма.

Въ интересахъ безпристрастія прибавлю, что впослѣдствіи нѣмецкіе соціалъ-демократическіе депутаты, не одобрявшіе тактики своей фракціи, стали выходить изъ зала Рейхстага въ то время, когда тамъ голосовались военные кредиты. Я даже готовъ предположить, что и въ историческомъ засѣданіи 4-го августа нѣмецкіе соціалъ-демократическіе дессиденты ушли изъ зала Рейхстага во время голосованія кредитовъ. Но предположивъ это, я не могу не спросить себя, зачѣмъ же они поступили такъ? Почему они не голосовали открыто противъ кредитовъ. Отвѣтъ намъ уже извѣстенъ. Они считали нужнымъ подчиниться фракціонной дисциплинѣ. А какой смыслъ имѣлъ ихъ уходъ изъ залы съ точки зрѣнія дисциплины? Если они не хотѣли голосовать въ пользу кредитовъ, то имъ нужно было выйти, чтобы не нарушить впечатлѣніе единства, производимаго согласнымъ голосованіемъ. Голосованіемъ въ пользу чего? Въ пользу разбойнаго нападенія на другіе народы. Нельзя же признать, что когда люди такъ сильно церемонятся съ разбойниками, то съ ними напрасно стали бы толковать тѣ, которые терпятъ отъ этихъ послѣднихъ.

А соціалисты нейтральныхъ странъ? Когда началась война, я подумалъ, что намъ, соціалистамъ государствъ, подвергшихся нападенію, слѣдовало бы поговорить съ ними. Какъ можно было сдѣлать это? Мнѣ казалось, что нуженъ созывъ международной соціалистической конференціи. Поэтому 14 августа 1914 г. я отправился на засѣданіе французской парламентской соціалистической фракціи и предложилъ взять на себя починъ такого созыва. Она отклонила это предложеніе, какъ несвоевременное. Тогда я счелъ это ошибкой, а теперь думаю, что мои французскіе товарищи были правы.

Если бы возможна была такая конференція, на которой соціалисты всѣхъ странъ единодушно и рѣшительно призвали бы къ порядку тѣхъ своихъ товарищей, которые сдѣлались усердными союзниками германо-австрійскихъ имперіалистовъ, то ее необходимо было созвать въ интересахъ международнаго соціализма. Она ободрила бы страдавшихъ отъ разбойнаго нападенія; она посбила бы спеси у гг. Зудекумовъ и Шейдемановъ и, во всякомъ случаѣ, она явилась бы яркимъ свидѣтельствомъ въ пользу нравственной силы нашего ученія. А если такая конференція была по тѣмъ или инымъ причинамъ невозможна? Тогда лучше было совсѣмъ не заговаривать о ней.

Вообразите, что такая конференція состоялась. И вотъ беретъ слово представитель нейтральной Швейцаріи, Гриммъ, и говоритъ, обращаясь къ французскимъ и бельгійскимъ товарищамъ: вы хотите защищать свою страну? Вы—преступники противъ международнаго соціализма! Выходитъ на трибуну представитель «оффиціальныхъ» итальянскихъ соціалистовъ и заявляетъ: конечно, если бы мы были въ положеніи Бельгіи, то мы взялись бы за оружіе и побѣжали бы на границу. Но насъ миновала горькая чаша германскаго нашествія, и мы предпочитаемъ сидѣть у себя дома за печкой. Проситъ слова представитель... Но довольно и этихъ двухъ примѣровъ, чтобы показать, какъ вредна была бы подобная конференція. Весь цивилизованный міръ призналъ бы ее за доказательство полнаго крушенія международнаго соціализма. Поэтому лучше было воздержаться отъ ея созыва.

Разумѣется, не всѣ представители нейтральныхъ странъ говорили бы на конференціи языкомъ анархо-синдикалистовъ, и не всѣ высказались бы въ духѣ Санчо-Панса. Далеко не всѣ. Нашъ старый, испытанный испанскій товарищъ Иглезіасъ и на этотъ разъ явился бы достойнымъ ученикомъ Маркса. Сумѣлъ бы поспорить съ сознательными и безсознательными защитниками германской имперіалистической политики и вожакъ шведскихъ соціалъ-демократовъ Брантингъ. Наконецъ, голландецъ Ванъ-Коль, сказалъ бы (какъ писалъ онъ впослѣдствіи), что оставаться нейтральнымъ

въ борьбѣ между угнетателемъ и угнетаемымъ—значитъ, оказывать поддержку неправому дѣлу. Все это было бы умно и благородно, но все это не поправило бы дѣла. Конференція всетаки явилась бы скандаломъ въ исторіи международнаго соціализма. И этотъ скандалъ усилилъ бы позицію германскаго имперіализма, послуживъ доводомъ въ пользу той скептической мысли, что международный пролетаріатъ никогда не будетъ надежнымъ защитникомъ мира, такъ какъ онъ никогда ни умственно, ни нравственно не доростетъ до пониманія задачъ, налагаемыхъ на него требованіями международной солидарности.

Конечно, примкнувшіе къ международному рабочему движенію анархо-синдикалисты и оппортюнисты не перестали существовать отъ того, что отложено было созваніе международной соціалистической конференціи. Какъ это весьма естественно, они продолжали и продолжаютъ распространять свои взгляды. Я хорошо знаю это. Потому-то я и сказалъ, что еще не закончилось соціалистическое воспитаніе всемірнаго пролетаріата. Когда оно будетъ закончено, анархо-синдикалисты прекратятъ свою пропаганду, потому что никто изъ рабочихъ не станетъ ихъ слушать. Но въ ожиданіи этого счастливаго времени намъ необходимо избѣгать ошибокъ, способныхъ придавать этимъ отрицательнымъ элементамъ международнаго соціализма такое значеніе, какого они не имѣютъ при обычномъ положеніи дѣлъ. Подобной ошибкой было бы (и останется вплоть до новыхъ обстоятельствъ) созваніе международной конференціи или съѣзда. Оно придало бы указаннымъ отрицательнымъ элементамъ преувеличенное значеніе. Конференція послужила бы для нихъ рупоромъ, благодаря которому ихъ голосъ пріобрѣлъ бы такую звучность, какой онъ вовсе не имѣетъ теперь. Они сами хорошо понимаютъ это. Пониманіемъ этого и было вызвано пресловутое циммервальдское самозванство. Но иное дѣло циммервальдское самозванство, а иное дѣло настоящій международный съѣздъ или конференція.

Несомнѣнный вредъ, который былъ бы его послѣдствіемъ, въ огромной степени превысилъ бы ту сомнительную пользу, которую онъ могъ бы принести. Поэтому скажемъ прямо и рѣшительно: съѣздъ былъ не нуженъ и остается не нужнымъ донынѣ.

Меня спрашиваютъ: «Развѣ пролетаріатъ союзныхъ государствъ, на которыя напали нѣмцы, долженъ былъ отказаться отъ защиты (т. е. отъ самозащиты. Г. П.), принявъ участіе въ конгрессѣ?»

Разумѣется, нѣтъ. Но, во-первыхъ, его самозащита была бы, какъ я только что показалъ, значительно ослаблена тѣмъ преувеличеннымъ значеніемъ, который получили бы, благодаря конгрессу, отрицательные элементы международнаго соціализма. Во-вторыхъ, что же сказали бы на конгрессѣ представители атакованныхъ народовъ, кромѣ того, что имъ нужно драться, драться и драться, драться, не щадя живота своего, драться до послѣдней капли крови, до послѣдняго издыханія. Драться потому, что нынѣшняя, небывалая по своимъ размѣрамъ, война грозитъ наложить на нихъ неслыханно-тяжелое иго. А вѣдь это они и такъ говорятъ каждый день, т. е. говорятъ сознательные элементы между ними, къ счастью, составляющіе огромное большинство.

Авторъ письма утверждаетъ, что международный соціалистическій съѣздъ не имѣлъ бы смысла, если бы на немъ не былъ поднятъ вопросъ о мирѣ. По его словамъ, конгрессъ долженъ былъ бы выработать планъ, «какъ сейчасъ остановить войну безъ побѣдъ, безъ пораженій и безъ какихъ бы то ни было захватовъ». Но съ этимъ послѣднимъ я не могу согласиться. Въ настоящее время подобный миръ представляетъ собою такую же невозможность, какъ круглый квадратъ или сапоги въ смятку. Этого не можетъ не признать самъ авторъ письма. Онъ считаетъ вѣрнымъ то мнѣніе, что «для такого мира нужно предварительное изгнаніе нѣмцевъ изъ Франціи, Бельгіи, Россіи (Польши, Литвы, Бѣлоруссіи, прибавлю я отъ себя Г. П.) и

«Сербіи». Значитъ, останется только выяснить, что же нужно для изгнанія нѣмцевъ. А для этого требуются не слова, а дѣйствія. Не ораторскія выступленія на съѣздахъ, а боевыя выступленія на фронтѣ. Другими словами: чтобы сталъ возможнымъ тотъ миръ, о которомъ мечтаетъ мой собесѣдникъ, необходимо воевать. Я именно это и утверждаю. Гдѣ же «противорѣчіе?» Очевидно, не въ моей статьѣ. «Но развѣ, возражаютъ мнѣ, организація самыхъ широкихъ народныхъ массъ въ союзныхъ государствахъ, основанная на томъ, что мы не желаемъ завоеваній, что мы только не желаемъ отдавать свою страну врагу, уменьшитъ силу нашего сопротивленія?»

Организовать народную массу на томъ, чего она не желаетъ,—это и значитъ организовать ее для обороны отъ непріятельскаго нашествія. Вѣдь не мы грозимъ существованію Германіи, а она грозитъ нашему существованію.

Откуда же эта преувеличенно-нѣжная заботливость о будущей судьбѣ хищниковъ? Мой оппонентъ похожъ на человѣка, который, признавъ, что пролетаріатъ долженъ бороться съ буржуазіей, въ то же самое время предложилъ бы намъ организовать самыя широкія массы рабочаго населенія «на томъ, что мы не желаемъ» слишкомъ суровой расправы съ побѣжденными эксплуататорами».

Впрочемъ, нѣтъ. Чтобы вполнѣ оттѣнить сходство, слѣдуетъ выразиться такъ: мой собесѣдникъ похожъ на человѣка, который заботился бы о будущей судьбѣ побѣжденныхъ эксплуататоровъ въ такое время (напримѣръ, въ іюнѣ 1848 и въ концѣ 1871 г.г.), когда эксплуататоры не только не побѣждены, но сами безпощадно разстрѣливаютъ рабочихъ и надѣются побѣдить ихъ разъ навсегда. Въ самомъ дѣлѣ, моя статья, послужившая поводомъ къ его замѣчаніямъ, написана была наканунѣ одного изъ тѣхъ кровавыхъ подвиговъ германской арміи, на одну треть состоящей изъ соціалъ-демократовъ, — которые покрываютъ позоромъ германскій народъ

Мой критикъ скажетъ мнѣ, что его заботливость о будущей судьбѣ пока еще побѣдоносныхъ хищниковъ обусловливается тактическими соображеніями. Ему хочется вырвать почву изъ-подъ ногъ тѣхъ нашихъ нѣмецкихъ товарищей, которые говорятъ: «Когда горитъ, не спрашиваютъ, кто поджегъ, — надо тушить». Но кто же говоритъ такъ? Либкнехтъ и его единомышленники? Нѣтъ! Либкнехтъ и его единомышленники настойчиво спрашиваютъ у нѣмецкихъ властей: кто поджегъ? А нѣмецкія власти настойчиво зажимаютъ имъ ротъ, при горячемъ одобреніи со стороны тѣхъ нашихъ нѣмецкихъ «товарищей», которые добивались исключенія Либкнехта изъ фракціи.

Кстати о Либкнехтѣ и его единомышленникахъ. Къ ихъ числу никакъ нельзя отнести всѣхъ тѣхъ членовъ германской соціалъ-демократической оппозиціи, которые въ послѣднее время отказались, наконецъ (лучше поздно, чѣмъ никогда), голосовать противъ военныхъ кредитовъ. Если бы они всѣ были единомышленниками Либкнехта, то онъ не оказался бы такимъ одинокимъ во время своихъ послѣднихъ запросовъ въ Рейхстагѣ.

Да и странно было бы требовать, чтобы, напримѣръ, Бернштейнъ уподобился Либкнехту! Замѣтьте, что даже эти люди, рѣшившіеся, наконецъ, голосовать противъ кредитовъ, но всетаки нерѣшающіеся до конца поддержать Либкнехта, не считаютъ возможнымъ отказаться отъ разсмотрѣнія вопроса, кто поджегъ. По крайней мѣрѣ, Бернштейнъ печатно признался, что, по его мнѣнію, французскіе соціалисты находятся совсѣмъ въ другомъ положеніи, чѣмъ нѣмецкіе. Понятно, почему: поджогъ совершенъ не Франціей, а Германіей.

Не спрашиваютъ о томъ, кто поджегъ, только соціалисты имперіалисты: Шейдеманъ, Зудекумъ, Гейне и пр. и пр. и пр. Но не спрашиваютъ единственно потому, что прекрасно знаютъ, кто поджигатели. Эти господа сами сознательно участвовали въ поджогѣ. Если они хотятъ «тушить», то

пора, наконецъ, понять, что означаетъ на ихъ языкѣ это слово. Для нихъ «тушить» значитъ подавлять стремленіе жителей Эльзаса и Лотарингіи къ возсоединенію съ Франціей. Для нихъ «тушить» значитъ жестоко карать (вспомните Лувенъ) населеніе тѣхъ странъ, которое не желаетъ сдѣлаться жертвами германскаго имперіализма. Для нихъ «тушить» значитъ безпощадно сокрушать всѣхъ тѣхъ, которые не кричатъ: «Ave Caesar»! Вильгельму II. Благодушные мечтатели хотятъ образумить этихъ господъ нашими заявленіями насчетъ того, что мы не желаемъ завоеваній. Какая утопія!

Нѣтъ, что ни говорите, а это по-истинѣ удивительно. Нѣмцы захватили Люксембургъ, захватили Бельгію, захватили значительную часть Франціи, захватили Польшу, захватили Литву, захватили Сербію, захватили Черногорію, а мы, соціалисты странъ, потерпѣвшихъ отъ захвата, должны увѣрять нашихъ нѣмецкихъ товарищей, что мы не желаемъ завоевывать ихъ территорій. Нужно быть до нельзя пристрастнымъ въ пользу нѣмцевъ, чтобы предъявить намъ подобныя требованія. По здравому разсужденію выходитъ, что умѣстнѣе было бы намъ добиваться подобныхъ заявленій отъ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ. Но мы ихъ не добиваемся, во-первыхъ, потому что мы не повѣримъ никакимъ заявленіямъ, идущимъ со стороны большинства нѣмецкой оппозиціи: Шейдемана, Зудекума и имъ подобныхъ, во-вторыхъ, потому, что, если бы и имѣли дѣтскую наивность вѣрить этимъ эгоистическимъ циникамъ, то мы всетаки, надѣюсь, не забыли бы, что судьба захваченныхъ нѣмцами мѣстностей зависитъ не отъ соціалъ-демократовъ, хотя бы и крайне оппортюнистическаго направленія. Она зависитъ отъ крупныхъ капиталистовъ. Она зависитъ отъ тѣхъ соціальныхъ элементовъ, которые давно уже сказали устами желѣзнаго канцлера: «Побѣжденнымъ нужно оставлять только глаза, чтобы они могли оплакивать свое несчастье». Съ этими элементами совсѣмъ уже невозможны никакія объясненія, кромѣ объясненій съ помощью штыковъ, сабель и пушекъ. Умно сказалъ дѣдушка Крыловъ:

А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить
Тамъ словъ не тратить по пустому,
Гдѣ надо власть употребить!

Авторъ письма одобряетъ воззваніе, написанное въ этомъ смыслѣ и подписанное группой соціалъ-революціонеровъ и соціалъ-демократовъ. Но онъ и тутъ дѣлаетъ оговорку. Его смущаетъ то обстоятельство, что въ своемъ воззваніи мы предостерегаемъ трудящееся населеніе Россіи отъ всякаго вспышкопускательства и даже отъ стачекъ, могущихъ ослабить силу нашего сопротивленія нѣмецкому разбою. Онъ думаетъ, что, если это такъ, то мы должны отказаться отъ обнаруженія истиннаго характера капиталистическихъ желаній и аппетитовъ».

Если бы это было такъ, слѣдовало бы признать, что авторы воззванія не только не обладаютъ стальной логикой, но вообще совсѣмъ неспособны къ логическому мышленію. Не они ли сами говорятъ въ немъ о негодности нашего правительства? Не они ли сами указываютъ на предпринимательскіе аппетиты въ своемъ воззваніи?

Если наша реакціонная партія кровно заинтересована въ пораженіи Россіи, а съ нею и европейской демократіи, то мы обязаныснова и снова разоблачить истинный характеръ этой партіи для того, что трудящееся населеніе Россіи поняло, до какой степени побѣда надъ внѣшнимъ врагомъ составляетъ необходимое условіе нашего внутренняго освобожденія. Если аппетиты и желанія нашихъ капиталистовъ направлены на эксплуатацію пролетаріата, то мы должны лишній разъ обнаружить передъ нимъ эти аппетиты, чтобъ онъ зналъ, какъ вредно будетъ для него

пораженіе Россіи, которое сильно отдалитъ часъ его политическаго, а также экономическаго освобожденія.

Въ нынѣшнее критическое время, — да, впрочемъ, и во всякое другое,— тактика рабочаго класса будетъ хороша только въ томъ случаѣ, если она будетъ цѣлесообразна. Что такое цѣлесообразная тактика? Это тактика, держась которой, мы ведемъ себя такъ, чтобы ни одно изъ нашихъ дѣйствій не замедляло достиженія цѣли, нами себѣ поставленной. Если это справедливо и если вѣрно то, что побѣда Германіи страшно затруднитъ освободительную борьбу русскаго пролетаріата, то само собою разумѣется, что мы должны отвергнуть, какъ неразумную, — скажу больше: *какъ безумную*, — всякую вспышку и всякую стачку, способную ослабить силу сопротивленія Россіи непріятельскому нашествію.

Какъ не понимаютъ этого бывшіе товарищи? Не знаю, какъ ухитряются они найти внутреннее противорѣчіе тамъ, гдѣ его не бывало. Но мнѣ очень хорошо извѣстно, что всѣ наши учителя всегда строго осуждали безразсудное вспышкопускательство. Неукротимый заговорщикъ и неустрашимый революціонеръ Бланки высказалъ тактическую мысль, заслуживающую самаго серьезнаго вниманія всѣхъ нашихъ товарищей.

«Легкомысленно ставить на карту свободу, можетъ быть, цѣлаго народа, —значитъ совершать ошибку, которая иногда бываетъ непоправимой и которой ничто не можетъ оправдать». Приглашаю всѣхъ нашихъ утопистовъ хорошенько подумать надъ этимъ.

PS. Авторъ письма желаетъ знать, какъ же намъ быть съ военными кредитами. Неужели мы будемъ голосовать за нихъ? Этотъ предметъ подробно разсмотрѣнъ мною въ другомъ мѣстѣ. Поэтому здѣсь я буду очень кратокъ. Мы будемъ голосовать за военные кредиты тамъ и тогда, гдѣ и когда этого потребуютъ интересы международнаго пролетаріата. И тѣми же интересами будемъ руководствоваться при голосованіи противъ нихъ. Въ вопросахъ этого рода все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста, какъ говорилъ Н. Г. Чернышевскій. Принципіальнаго тутъ ничего нѣтъ и быть не можетъ. Если мой собесѣдникъ хочетъ знать, правъ ли, по моему мнѣнію, т. Будинъ, требующій, чтобъ американскіе соціалисты голосовали теперь въ пользу военныхъ кредитовъ, то я скажу: безусловно правъ; теперь соціалисты всѣхъ странъ обязаны поддерживать всякую мѣру, которая можетъ хоть немного задержать успѣхи германскаго имперіализма, это «bestia triomfante» *), представляющей собою страшную угрозу международному соціализму.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

—*—

ОИК №54668

*) Торжествующаго звѣря.